

В последние годы весьма актуальной для историков, социологов и политологов стала тема российского консерватизма. Именно в консерватизме многие видят идеологическую основу центризма. Самые разные политические силы заявляют о своей приверженности традициям (православным или мусульманским, государственным, либеральным или коммунистическим). Вместе с тем консерваторов часто упрекают в недооценке прогрессивных изменений в обществе, ориентации на государственный патернализм, шовинизм.

Как соотносится исторический опыт применения консервативной идеологии в России и проблемы современного консерватизма? Как сочетать традиционалистские идеалы и практику необходимых для России экономических и социальных реформ? На этот счет имеется множество разных мнений. Одно из них изложено в публикуемой ниже статье. Ею редакция открывает дискуссию по проблемам истории и теории российского консерватизма, к участию в которой приглашает заинтересованных читателей журнала.

А.В. РЕПНИКОВ

Тернистые пути консерватизма в России

Словосочетание "консервативная модернизация" в последнее время заняло устойчивое положение в словаре отечественных политиков, попало в монографии и вузовские учебники. После эпохи радикальных реформ 90-х годов XX века многим ученым и государственным деятелям стало ясно, что попытки создания сценариев развития России в рамках противопоставления понятий "традиция-модернизация" или "либерализм-консерватизм" заведомо обречены на провал. Ведь ни традиция, ни модернизация не являются абсолютом [Консервативная... 2001; Мусихин, 2002]. На собственном опыте мы убедились, что претворение в жизнь политики реформ под либеральными лозунгами вовсе не означает непременно повышения уровня жизни большей части населения. Невольно напрашивается вывод о том, что контрреформы, которыми нас когда-то пугали, далеко не всегда имеют деструктивный характер.

На смену бытовавшему длительное время стереотипу, согласно которому консерваторы - убежденные противники прогресса, приходит надежда на консерватизм как некую универсальную идеологию. Заметна даже определенная идеализация консервативной составляющей либеральной традиции, определяемой как "традиция свободы" [Драгунский, 1992]. Идея консервативной модернизации стала популярной еще и потому, что русские консерваторы были не только "охранителями" в узком смысле слова, но и пытались найти компромисс с происходившими в стране переменами. Иными словами те, кого еще недавно клеймили страшным словом - "реакционеры", в действительности стремились, опираясь на традиционные ценности, разработать и предложить продуманную систему мер, позволявших реализовать оптимальный, по их мнению, сценарий перехода к новым социально-экономическим отношениям, т.е. осуществить консервативную модернизацию в России (или, вернее сказать, консервативную стабилизацию в стране, переживающей эпоху реформ).

Репников Александр Витальевич - кандидат исторических наук, сотрудник Российского государственного архива социально-политической истории.

Особенности русского консерватизма

Несомненно, определенный вклад в популяризацию идеологии консерватизма внесли вышедшие в последние годы исследования, которые убедительно доказывают, что под воздействием модернизационных процессов, происходивших в стране на рубеже XIX-XX веков, русский консерватизм не оставался чем-то неизменным. В новых условиях даже старый николаевский девиз "Православие, самодержавие, народность" требовал известной модернизации, и консерваторы пытались сконструировать на базе охранительной политической традиции новую, достаточно мобильную идеологию, которая должна была противостоять набиравшим силу и вес в обществе либеральным и социалистическим концепциям. В обстановке резких модернизационных изменений второй половины XIX века, связанных с реформами Александра II и порождавших в людях неуверенность и сомнения, власть, по мнению консерваторов, обязана была помочь им преодолеть идеологические "соблазны" в виде либерализма и социализма. В свою очередь, народ должен был доверять власти во всем, подобно тому, как ребенок доверяет родителям. В таком контексте Россия рисовалась консерваторам своеобразной большой "семьей" с абсолютным отеческим авторитетом власти и полным повиновением ей народа.

Для идеократического взгляда на государство, свойственного русским консерваторам, характерна сакрализация многих явлений общественной жизни, которая отвергается современным рационалистическим мировоззрением. К сожалению, большинство исследователей прошли мимо религиозной константы в консервативной идеологии или же попытались оценить ее с позиций материализма. Особенно остро столкновение религиозного мирозерцания с социально-политическими реалиями пореформенной России проявилось во взглядах К. Победоносцева. В этом человеке наблюдалась редкая для того времени религиозная цельность. Он не считал возможным анализировать сущность самодержавия в отрыве от религиозных принципов православия. В письме И. Аксакову (1874) Победоносцев заявил о невозможности четкого теоретического оформления самодержавия в России, поскольку "есть предметы, которые, - может быть, до некоторого времени, - поддаются только непосредственному сознанию и ощущению, но не поддаются строгому логическому анализу, не терпят искусственной конструкции. Всякая формула дает им ложный вид..." [ОР и РКРНБ]. "

Для консерватора сущность самодержавной власти - это, прежде всего, огромная личная ответственность монарха перед Богом, жертва, приносимая во имя Отечества. Поскольку власть самодержца "не есть привилегия, не есть простое сосредоточение человеческой власти, а есть тяжкий подвиг, великое служение, верх человеческого самоотвержения, крест, а не наслаждение", то, следовательно, она не может никем ограничиваться, "ибо всякое ограничение власти царя людьми освобождало бы его от ответа перед совестью и перед Богом. Окружаемый ограничениями, он уже подчинялся бы не правде, а тем или иным интересам, той или иной земной силе" (цит. по [Тихомиров, 1997, с. 532, 531]). В то же время, судьба страны не должна зависеть только от способностей носителя верховной власти, которые "есть дело случая". Если будущий глава государства не готов к своему предназначению, он должен сам ограничить свою роль, стать символом верховной власти, передав бремя повседневного управления профессионалам. Но здесь консерваторы противоречили сами себе, попадая в своеобразную ловушку. Что будет, если к власти придет монарх, не только не способный управлять страной, но и отказывающийся слушать профессионалов? Ведь были же на российском престоле и Петр I, и Петр III, была и "бироновщина". Известны и другие, далеко не лучшие примеры прошлого. На эти вопросы у консерваторов не имелось ответа.

Одним из стержневых принципов идеологии русского консерватизма являлся принцип общественной иерархии. Критикуя его, политические оппоненты консерваторов исходили из идеи равноправия всех граждан и обычно игнорировали религиозный смысл социального неравенства, не вполне справедливо обвиняя своих против-

ников в оправдании привилегий дворянства. Между тем, в представлении консерваторов иерархическая система являлась регулятором требований, предъявляемых к каждому члену общества в зависимости от его социального статуса: чем выше положение человека, тем выше его ответственность. Наиболее четко приверженность к иерархии была выражена К. Леонтьевым, признававшим громадную роль дворянства в российской истории. Выступая за элитарность, Леонтьев отбрасывал принципы либерального славянофильства, настаивая на том, что "сословный строй в десять раз прочнее бессословного" [Леонтьев, 1996, с. 686]. Победоносцев относился к дворянству весьма скептически, считая, что милые его сердцу исторические предания православия и самодержавия твердо держатся в одном крестьянстве, а дворяне не менее чем другие сословия "подлежат обузданию" (см. [Соловьев, 1973, с. 285]). Симпатии Победоносцева к "простому" народу представляются далеко не случайными. "Темное" крестьянство казалось консерваторам наиболее надежной опорой трона. Апологет дворянства Леонтьев также не мог отрицать тот факт, что "высшее сословие" со временем все больше проникалось европейскими идеями и становилось в оппозицию к власти. Именно европеизированная интеллигенция, в том числе и выходцы из дворянских кругов, выполняла в России, по его мнению, ту роль, которую в Европе играли просветители, подготовившие идеологическое обоснование буржуазных революций.

Укрепить трон должна была систематическая подготовка правящей элиты. В статье "Власть и начальство" Победоносцев акцентировал внимание на том, что твердая власть возможна только при существовании школы, поддерживающей социальную стабильность и воспитывающей новых деятелей на опыте старых. Стремление к всеобщему просвещению было, с точки зрения обер-прокурора Синода, пагубно, поскольку человек не должен отрываться от *своей* среды и отравлять себя "мечтаниями суеты и тщеславия". Поэтому сельская школа призвана была гарантировать, что крестьянские дети останутся хранителями традиционного сельского уклада и не будут претендовать на иной социальный статус [Победоносцев, 1996]. Таким образом, в мировоззрении консерваторов связывались воедино право, религия и иерархия.

Достаточно широка была и социальная база русского консерватизма. Долгое время в отечественной историографии существовало стремление ограничивать ее рамки дворянством, чиновничеством или интеллектуальными кругами. В последние годы многие исследователи, напротив, доказывают, что только консерватизм "низов" был подлинным, "чистым" и искренним. Однако и тот, и другой подходы оставляют открытым вопрос о том, в чем именно выражался "народный консерватизм". Консерваторы неизбежно задумывались и о месте народа в истории. В какой степени народ должен участвовать в управлении государством, и может ли он служить надежной опорой самодержавному строю? Практически единодушно консерваторы в качестве положительного фактора подчеркивали аполитичность масс, считая ее препятствием на пути проникновения в народную среду "разрушительных идей". Они полагали, что решение государственных проблем - дело элиты, а народ не может и не должен участвовать в их обсуждении.

По-разному относились консерваторы к крестьянской общине. В 1860-е годы из консервативного лагеря раздавались голоса с критикой общины, но уже в 1880-е годы ситуация стала меняться. Леонтьев, например, считал, что общинные отношения построены на особом, религиозном понимании бытия. *"Поземельная и обязательная форма общины связана с самодержавной формой правления. А индивидуализм равно или поздно неизбежно и даже неприметно ведет к конституции, то есть к полнейшему господству капиталистов, банкиров и адвокатов!."* - писал он [Леонтьев 1996 с. 267].

Консервация общины стала "миной замедленного действия", подложенной под самодержавие, а начало столыпинской аграрной реформы спровоцировало новый раскол в консервативной среде. Известно отрицательное отношение к этой реформе

такого крупного консервативного публициста, как С. Шарапов. В 1906 году на первом съезде Всероссийского союза землевладельцев он предупреждал, что даже полюбовное размежевание крестьян потребует огромных капиталов, которые было бы лучше использовать для подъема производительности земледелия. Обратившись со страниц издаваемой им газеты "Русское дело" к П. Столыпину, Шарапов высказался против уничтожения крупных частных владений и разрушения общины, считая, что подрыв дворянского землевладения повлечет за собой дальнейшее падение уважения крестьян к собственности, а крах общины подорвет в народе начала коллективизма. Он утверждал, что финансовая поддержка нужна не тем немногим крестьянам, которые ушли на хутор или в отруб, а самой общине [Русское... 1902]. Вот тогда, при сохранении общинной формы землевладения, постепенно, с ростом культуры, переход к подворному владению должен произойти сам собой [Шарапов, 1903].

В России конца XIX века невозможно было игнорировать и проблему возникновения пролетариата. Консерваторы пытались вписать рабочий класс в уже существующую иерархическую структуру общества. Монархические организации в своих программах писали о необходимости государственного страхования рабочих на случай смерти, увечья, болезни или старости; затрагивали вопросы сокращения рабочего дня и упорядочения условий труда [Степанов, 1992; Белов, 1997].

Определенные шаги на этом поприще организации рабочих и решения рабочего вопроса предпринял известный идеолог консерватизма Л. Тихомиров. По словам В. Гурко, он был «едва ли не... духовным отцом системы, получившей название "зубатовщины"» [Гурко, 2000, с. 41]. Бывший народоволец активно помогал начальнику Московского охранного отделения С. Зубатову в разработке идеи создания монархических рабочих организаций. Начало сотрудничества Тихомирова с Зубатовым относится к 1896 году [Айнзафт, 1925].

В своей записке Столыпину Тихомиров доказывал, что русский рабочий - это прежде всего не пролетарий, а гражданин, т.е. член всего общества, а не только своего класса, и пытался "вписать" этот нарождавшийся социальный слой в рамки сословной структуры традиционного самодержавно-иерархического государства. По его предложению, монархические рабочие организации должны были поддерживать связь своих членов с деревней, устроить в деревнях некий аналог санаториев для рабочих и приютов для семей, оставшихся без кормильцев. Связь городских рабочих с крестьянской общиной помогала вчерашнему крестьянину почувствовать себя полноправным членом общества. В будущем каждая отдельная фабрика должна была представлять собой профессионально-территориальную "общину", а все ее рабочие объединялись в рамках единой корпоративной организации [ГАРФ].

Тихомиров выступал за осуществление государством патерналистской роли в регулировании отношений фабрикантов и пролетариев. Он считал, что "государственный надзор и вмешательство может обеспечить рабочих от эксплуатации, т.е. несправедливых притязаний хозяина, может создать надлежащее посредничество в спорных случаях... Государство может систематическими мерами достигать обеспеченности фабричного населения посредством развития в нем собственности, поддержания прочных семей, учреждения пенсиями старикам и т.д." [Тихомиров. 1891. с. 307]. По его мнению государственное регулирование социальных отношений - единственно возможная альтернатива революции.

Следует обратить внимание на резкую критику консерваторами либеральной версии идеи общественного прогресса. Было бы неверно считать это исключительно проявлением "мракобесия" и "реакционности". Прогресс уже давно стал некой "священной коровой" для многих наших современников, которые забывают, что никакие технические достижения и рост материального благосостояния не могут оправдать нравственных потерь общества. Наиболее яркого противника буржуазный прогресс нашел в лице Леонтьева, который не принимал его в теории и стремился всячески отгородиться от него в повседневной жизни. Современный исследователь взглядов Леонтьева М. Чернавский верно отмечает, что философ при этом не отрекался

от самого понятия "прогресс". Он приветствовал "сложное развитие социальных групп и слоев в единстве мистической дисциплины". Леонтьев возражал против "двух ложных европейских принципов". Во-первых, против представления об "утилитарно-эвдемоническом, всеполезном благоденственном направлении реальной науки", которое он предлагал заменить "честно-скептическим и во многих случаях даже пессимистическим направлением этой науки". Во-вторых, он считал, что следует освободиться "от либерально-эгалитарного понимания общественного прогресса", заменив это "детское мировоззрение" философией, "которая учит, что все истинно великое, и высокое, и прочное вырабатывается никак не благодаря повальной свободе и равенству, а благодаря разнообразию положений, воспитания, впечатлений и прав, в среде, объединенной какой-нибудь высшей и священной властью" [Леонтьев, 1996, с. 379]. Таким образом, в понятие "прогресс" Леонтьев вносил иной, более сложный, пессимистически окрашенный смысл, утверждая, что правильная вера в прогресс должна быть именно пессимистическая, а не благодушная [Чернавский, 2000, с. 135].

Нельзя не отметить, что еще задолго до крушения самодержавия в среде консерваторов можно было наблюдать рост критических настроений в отношении будущего страны и перспективы существующего строя. Изучение их переписки показывает глубину предчувствия обреченности самодержавной России, охватившего консервативные круги. Наибольший интерес в этой связи представляют взгляды Леонтьева, причудливо соединившие мечту о великой всемирно-исторической миссии России и ощущение неотвратимости революции. Особенно это заметно в его личных записках и письмах, где отчаяние порой соседствует с надеждой, а жесткие оценки русского народа - с верой в его особое призвание. В последние годы жизни Леонтьев разуверился в прочности самодержавной системы и неожиданно для окружающих сделал ставку на социализм. Ему стало казаться, что историческая роль социализма на российской почве состоит в том, чтобы возродить под новой оболочкой старые имперские и антизападнические традиции. Последние письма Леонтьева проникнуты ожиданием неизбежного прихода "социалистического самодержца". То, на что раньше он только намекал в своих статьях, теперь приобретает контуры доктрины "охранительного социализма", оформление которой началось с признания того, что "умеренный либерализм для ума есть прежде всего смута, гораздо большая смута, чем анархизм или коммунизм..." [Леонтьев, 1996, с. 498].

Первая русская революция и Русско-японская война серьезно повлияли на политические прогнозы консерваторов. Резко усиливается ощущение неизбежности крушения всей существующей системы. 28 февраля 1907 года Тихомиров записывает в дневник: «Господь нас покинул на произвол адским силам. Никогда я не думал, чтобы у русских было так мало *самостоятельного* нравственного чувства. Значит, только и держались "корсетом" насилия... Боже, как мы ужасны, как мы безвыходно несчастны! Неужели еще не наступила минута сжалиться над этими жалкими, бедными созданиями, неспособными сохранить лик человеческий без высшей помощи? Израиль древний был наказуем *внешне*: истребили, разогнали, пленили. Мы в тысячу раз несчастнее: мы *внутренне* пали. Мы как Навуходоносор, превратились в *животных* (...). Но когда же взглянем на небо?» [Из дневника... 1933, с. 94]. На страницах дневника и писем Тихомирова можно найти десятки подобных высказываний: "Россия - погибшая, презренная... страна"; "правительство так мерзко... что ничего хуже не может быть"; "церковь разлагается"; бюрократия "съела царя". Разочарование во власти и ее возможности усовершенствовать существующую социально-политическую систему стало общим местом в рассуждениях практически всех серьезных консервативных мыслителей. В письме от 28 декабря 1911 года неославянофил К. Пасхалов жаловался Д. Хомякову: "Мы приучаемся мало помалу презирать наше правительство, сознавая его неспособность и бесполезность. А это штука очень опасная. В критическую минуту, когда революция ринется на существующий строй, стану ли я на его защиту? Нет. Мы наверно останемся в стороне... нам осталась одна

надежда на великую милость Провидения, которое авось смилуется над нашей несчастной, засиженной всякой нечистью родиной" [Переписка... 1999, с. 102].

Одна из причин политического поражения отечественного консерватизма в начале XX века кроется в том, что Николай II сделал ставку не на творческое начало в консерватизме, а исключительно на его охранительную составляющую. Все попытки консерваторов воплотить исповедуемую ими систему взглядов на практике терпели поражение. Они видели недостатки существующей системы, но не могли открыто критиковать их. Как результат - разочарование во власти и нарастание в консервативной среде ощущения неизбежности "великих потрясений", которые не замедлили явиться в феврале 1917 года.

К революции привел и раскол консервативных и либеральных сил общества. К сожалению, в России эти два течения оформились и самоопределились в противостоянии друг другу. Хотя у консерватизма и либерализма, несомненно, есть некоторые точки соприкосновения, постоянно делался акцент на идеологические моменты, их разделявшие. В отношении критики либерализма у консерваторов расхождений не было.

Русские либералы, которые пытались трансформировать западный опыт с учетом российских реалий, недостаточно знали саму русскую "почву". Даже пытаясь соотнести заимствованные идеи с российской реальностью, они рассматривали эту самую реальность через призму западных представлений о ней. Либерализм в России представлял своего рода "интеллектуальную игрушку" для интеллигенции. Оторванность образованного меньшинства от основной массы населения сыграла, как представляется, не последнюю роль в "замыкании" либерализма на "верхи" общества. В России либерализм формировался "сверху", опираясь на авторитарный режим. Он не был идеологией "среднего класса" и носил дворянско-интеллигентский характер. Жизнеспособность самодержавной системы позволяла "верхам" использовать либеральные ценности для укрепления своего положения. На русской почве либерализм, с одной стороны, "впитал" в себя отечественную гуманистическую традицию, с другой - был антидемократичен. Неслучайно наличие у русских либеральных интеллектуалов народофобии. К тому же в России появление либеральных идей опередило освобождение крестьян от крепостничества, и либералы творили в условиях, когда их теоретические построения не могли сразу же проверяться практикой и застывали в форме западнической утопии, оторванной от родной почвы.

Однако нельзя утверждать, что и консерваторы были хорошо знакомы со специфическим народным мировосприятием. Их проекты преобразования России также порой основывались на иллюзиях и мифах. Вместе с тем, в сумме их проекты представляются более реалистичными. Общество в России не было подготовлено к принятию не только "западного", но и "почвенного" варианта либерализма, в то время как консервативные тенденции были укоренены в народе. В подтверждение вышесказанному нужно отметить сильные патерналистские ожидания населения, надежды на защиту и опеку со стороны власти. Консерватизм опирался на существующую культурную традицию, а либерализм, который мог бы стать подлинно народным движением только при поддержке "низов", пробиться к этим "низам" так и не смог. Такое положение вещей сыграло с консерваторами злую шутку. Видя слабость либералов, они незаметно для себя уверовали в неизбежность своей конечной победы. Долгое время считая, что все в России идет согласно раз и навсегда заданному порядку вещей, консерваторы в предреволюционный период не озаботились формированием четкой консервативной модели переустройства страны и влиятельной правительственной партии. В результате инициативу перехватили революционеры. Об окончательной потере правыми партиями поддержки в обществе в 1917 году убедительно свидетельствует и незначительная поддержка монархистов на выборах в Учредительное собрание [Протасов, 1997].

После Февральской революции даже такой радикальный монархист, как В. Пуришкевич, заявлял о невозможности восстановления монархии. "Как мог я поку-

шаться на восстановление монархического строя, - говорил он, - если у меня нет даже того лица, которое должно бы, по-моему, быть монархом. Назовите это лицо. Николай II? Большой царевич Алексей? Женщина, которую я ненавижу больше всех людей в мире? (Александра Федоровна. - *А.Р.*) Весь трагизм моего положения как идеолога-монархиста, в том и состоит, что я не вижу лица, которое поведет Россию к тихой пристани" (цит. по [Деникин, 1991, с. 26])¹.

После отречения Николая II большинство правых отнюдь не мечтало о возвращении ему престола. Узнав в 1918 году о расстреле бывшего самодержца, М. Меншиков писал: "Жаль несчастного царя - он пал жертвой двойной бездарности - и собственной, и своего народа". Далее он рассуждал по поводу отречения: "Не мы, монархисты, изменники ему, а он нам... Тот, кто с таким малодушием отказался от власти, конечно, недостоин ее. Я действительно верил в русскую монархию, пока оставалась хоть слабая надежда на ее подъем. Но как верить в машину, сброшенную под откос и совершенно изломанную?... Мы все республиканцы поневоле, как были монархистами поневоле. Мы нуждаемся в твердой власти, а каков ее будет титул - не все ли равно?" [Российский... 1993, с. 152, 153]. Монархист Б. Никольский был не менее откровенен: "На реставрацию не надеюсь... Страшно то, что происходит, но реставрация была бы еще страшнее. Царствовавшая династия кончена, и на меня ее представителям рассчитывать не приходится. Та монархия, к которой мы летим, должна быть цезаризмом, т.е. таким же отрицанием монархической идеи, как революция" [Монархист... 1992, с. 359, 360].

Многие правые, и ранее не особенно жаловавшие простой народ, после революции окончательно разочаровываются в нем. Страницы дневника Меншикова за 1918 год полны горьких записей: "Чтобы убить Россию по-дьявольски, т.е. с наименьшими средствами и с наибольшим соблюдением приличий, достаточно предоставить Россию самой себе. В самой России сложился губительный яд, сжигающий ее медленно, но верно: народная анархия, развязанность от культуры, религии и совести. Идет великое самоистребление народное..." [Российский... 1993, с. 24]. По степени самобичевания дневник Меншикова напоминает "Апокалипсис нашего времени" В. Розанова. Оба обвиняли в произошедших событиях интеллигенцию и русскую литературу, оба утратили веру в будущее России и ее народа: «Бог не захотел более быть Руси. Он гонит ее из-под солнца... Значит мы "не нужны" в подсолнечной и уходим в какую-то ночь. Ночь. Небытие. Могила... Мы умираем от единственной и основательной причины: *неуважения себя*. Мы, собственно, самоубиваемся... мы сами гоним себя» [Розанов, 1994, с. 416]².

Постепенно монархическая "белая" идея сменилась у консерваторов авторитарной идеей диктатуры "сильной личности". Монархизм сменился цезаризмом. Если в 1917 году делали ставку на Л. Корнилова, затем видели спасение в А. Деникине или А. Колчаке, то впоследствии одни "сменили вехи" и стали присматриваться к Сталину, другие, подобно П. Краснову, пошли на службу к Гитлеру и закончили свой жизненный путь в подвалах Лубянки. Показательна в этой связи эволюция В. Шульгина. Еще в 1920 году он приходит к мысли о неизбежности появления в России вождя, который "будет истинно красным по волевой силе и истинно белым по задачам, им преследуемым. Он будет большевик по энергии и националист по убеждениям... Весь этот ужас, который сейчас навис над Россией, - это только страшные, трудные, ужасно мучительные... роды самодержца" [Шульгин, 1990, с. 797]. Затем Шульгин отстранился от политической деятельности и жил в Югославии до прихода Советской Армии. Был арестован и за антисоветскую деятельность приговорен к 25-летнему заключению. В 1956 Шульгина не только освободили, но и позволили заниматься литературной работой. Живя во Владимире, он написал "Письма русским эмигрантам",

¹ Подробнее о взглядах Пуришкевича после падения самодержавия в России см [27 февраля 1996; Розенталь, 1998; 1999].

² Схожие настроения имели место в среде патриотов-государственников и после распада СССР в 1991 году.

в которых доказывал, что политика коммунистов во второй половине XX века не только полезна, но и совершенно необходима для русского народа, который они ведут за собой. Последней работой Шульгина стал "Опыт Ленина", где он призвал довести эксперимент, начатый Лениным в 1917 году, до логического завершения [Шульгин 1997].

Проблемы формирования современной консервативной идеологии в России

Если мы обратимся к дню сегодняшнему, то заметим, что "полем битвы" между русскими консерваторами и их оппонентами стала уже не монархическая идеология, как в начале XX века, а проблема определения места России в мировой цивилизации. В начале XXI века мы опять стоим перед "вечным" вопросом о соотношении общечеловеческих и национальных ценностей. Это напрямую связано с непреходящей значимостью для нашей страны проблемы "традиция и модернизация", которая к тому же резко обострена крайней поляризацией мнений, когда эти понятия порой воспринимаются как антагонистические. Для одних во главе угла все еще стоят "реформы во что бы то ни стало", а для других основной идеей стало возвращение к исторической традиции и истокам национальной культуры. Противоборствующие силы забывают, что ни традиция, ни модернизация не являются абсолютом. И реформы, и контрреформы проводятся реальными людьми, преследующими реальные интересы. Но если признать, что власть должна работать на благо страны и живущего в ней народа, то вопрос о противостоянии традиции и модернизации отпадает сам собой, поскольку умеренный консерватизм не исключает реформ, отвергая только их радикальный вариант. В то же время реформы должны учитывать исторические традиции той страны, в которой они проводятся.

Консерватизм, конечно, не панацея от сегодняшних проблем, но его внимательное изучение может оказать нам существенную помощь в выработке политического курса, находящегося по ту сторону "правых" и "левых" крайностей. Было бы неверно замыкаться в рамках русского варианта консерватизма, акцентируя внимание исключительно на его самобытности и оригинальности, связывать консервативную традицию только с российской почвой. В качестве позитивного момента, наметившегося в последние годы, хочется отметить стремление выявить общее и особенное в отечественном и зарубежном консерватизме. Наблюдая столкновение традиционных основ миропонимания с необратимым процессом модернизации, и русские, и западные мыслители задумываются над схожими вопросами: как далеко может завести человечество проповедь радикальных преобразований? Каково место человека в меняющемся мире? [Garaudy, 1977; Malik, 1989; Latouche, 1995; Мартин, Шуманн, 2001].

В начале 1990-х годов в своей приверженности консерватизму открыто признавались разве что монархисты или авторы газеты "День"- "Завтра". В 1993 году полковник В. Алкенис гордо сказал в интервью: "Я не стыжусь того, что я консерватор: есть нечто общее, что объединяет сторонников политического консерватизма. Все они - прагматики, т.е. прекрасно отдают себе отчет в том, что любая реформа таит в себе опасность превращения позитивных начинаний в обвальный процесс разрушения системы, в том числе политической и экономической. Поэтому консерваторы предпочитают действовать с опорой на традиционные институты, на то, что проверено временем" [Точка... 1993, с. 125]. Лидер КПРФ Г. Зюганов в своей книге "Россия и современный мир" подчеркнул необходимость выработки новой идеологии, отвечающей современным реалиям. Среди источников этой идеологии, помимо идей Ленина, он привел концепции Данилевского и Леонтьева [Зюганов, 1995, с. 16]. Но можно ли примирить основоположника теории культурно-исторических типов с Марксом и Лениным?

Подобная в чем-то попытка объединить марксизм и панславизм была некогда предпринята американским ученым Р. МакМастером в его фундаментальном исследовании "Данилевский. Русский тоталитарный мыслитель", увидевшем свет в 1967 году. Данилевский для автора - основатель тоталитарной философии, "учитель Ленина, Сталина и Гитлера". Работа была прямо направлена на отождествление государственно-политической модели русских консерваторов и русских большевиков. По мнению МакМастера, русский консерватизм и русский социализм одинаково враждебны Западу. Ненависть к капитализму, стремление к экспансии, неприятие буржуазных мировоззренческих ценностей - вот, по мнению американского ученого, основные черты русского народа [MacMaster, 1967]. Правда, судя по заявлениям Зюганова, его сентенции прямо противоположны позиции американского исследователя. Увязывая воедино марксизм и цивилизационный подход Данилевского, он исходит из патриотических побуждений. Но, во всяком случае, идеологический синтез, предпринятый Зюгановым, останется неприемлемым и для "левых", которые не могут согласиться с националистической риторикой, и для "правых", которых отпугивают призывы к социальной борьбе.

Сейчас многие видные политики и ученые считают, что именно консерватизм может стать идеологией для России XXI века: к консерваторам относят себя В. Черномырдин, Б. Немцов и И. Хакамада. Консервативная составляющая присутствует во всем партийном спектре от неомонархистов и КПРФ до Союза правых сил и "Единства". Слово "консерватизм" можно встретить в программных документах "Правого дела". Правоцентристским консервативным движением именуется себя "Яблоко". Есть еще и "Консервативная партия" Л. Убожко, о которой, правда мало кто слышал. Консервативная идея "брошена в массы" [Гарбузов, 1995; Пастухов, 1999]. Получил известность среди студентов и аспирантов российских вузов конкурс работ, посвященных феномену консерватизма, проведенный под эгидой "Единства".

Сегодня все еще трудно определить перспективы развития консерватизма в России. Ясно только, что сейчас он не может быть восстановлен в том варианте, в каком существовал в начале XX века. За прошедшее столетие со страной и ее народом произошли колоссальные изменения. Старые символы и концепции уже неоднократно использовались. Самое время определить новые приоритеты и ценности. Необходимость объединительной идеологии несомненна, ведь бесперспективность многих проектов в России связана с отсутствием у них четкого и ясного идеологического обоснования. Сейчас абстрактное слово "государственность" начертано на знамени подавляющего большинства партий. Декларации о необходимости укрепления государства, обуздании сепаратизма, обращении к патриотизму, духовности можно встретить в документах практически всех партий. Но расплывчатые лозунги могут быть выигрышны только в период предвыборной кампании. Рано или поздно власти придется сделать выбор в пользу той или иной идеологической концепции и попытаться воплотить ее на практике.

Пока представления политиков и ученых о консерватизме довольно противоречивы. Приведу обширное высказывание В. Рыжкова о необходимости создания для России новой консервативной идеологии: "Наша страна нуждается в четвертой силе, которую я называю новым русским консерватизмом. В чем ее отличие от других? Во-первых, она воспринимает идею сильного эффективного государства. То есть то, что как бы связывается с советским режимом; но советское государство было сильным и тупым (почему тупым? - *А.Р.*) и вело страну не туда. Второе: от западников-либералов берется идея заимствования всего лучшего у Запада с точки зрения технологии и рынка, от крепких хозяйственников принимается идея эффективного управления. Но вот этот новый консерватизм все-таки должен строиться на несколько иных основах - мы действительно хотим иметь государство сильное, но не тоталитарное; экономику - открытую, но при этом ориентированную на отечественный капитал; власть - сильную, но не подавляющую свободы" [Рыжков, 2001]. В интервью, помещенном на сайте "Единства", профессор А. Панарин так

оценил перспективы консерватизма: "Сегодня консервативная идеология по-настоящему затребована в России, поскольку сначала у нас хозяйничали левые радикалы, которые слишком сильно затянули идеологический маятник в одну сторону, затем им на смену пришли правые радикалы-рыночники, которые перетянули этот маятник в противоположную сторону. Консервативный курс в этом смысле может действительно стабилизировать развитие российского общества" [Об особенностях...]. Тяготеют к консервативной риторике и отечественные предприниматели, которые стремятся выработать доктрину некоего "национального капитализма" [Севастьянов 1995].

Возможно, что все более усиливающаяся терминологическая путаница в отношении самого понятия "консерватизм" заставит со временем пересмотреть классические версии понятий "консерватизм", "либерализм", "традиционализм" и попытаться дать им новое содержание. Мы вряд ли сможем отказаться от старых терминов, но нужно признать, что знакомые явления изменили свою сущность. К сожалению, многим современным политикам выгодна именно неопределенность и размытость политических понятий, когда самоопределения "консерватор", "демократ", "государственник", утерев свой первоначальный смысл, превращаются в ничего не значащие маски, становятся имитацией. Это приводит порой к совершенно парадоксальным ситуациям. Например, лидеры СПС, называющие себя "правыми" в России, в Европе попали бы в одну группу с такими "новыми правыми", как А. де Бенуа и Р. Стойкерс, что вряд ли понравилось бы и тем, и другим. К консерваторам относят таких разных мыслителей и политических деятелей, как Ж. де Местр, Э. Берк, Т. Карлейль, А. Токвиль, О. Бисмарк, Э. Юнгер, К. Шмитт, Р. Рейган, С. Уваров, К. Победоносцев, П. Столыпин, Л. Тихомиров, И. Ильин, И. Солоневич. Не слишком ли разные это люди? Парадокс в том, что всех их, действительно, без натяжек можно назвать консерваторами. В каждую конкретную эпоху и в каждой конкретной стране понятие консерватизм наполняется новым смыслом.

Та же терминологическая неопределенность касается и понятия "традиция", которое употребляет практически каждый мало-мальски значимый политик. Вот только что эти политики понимают под традицией? Как определенная психологическая установка традиционализм вообще внеидеологичен и вечен - был, есть и будет всегда, как тоска по "золотому веку", как ностальгия по ушедшему прошлому, когда "все было лучше". Так на какие же традиции мы хотим опереться? Отвечая на этот вопрос, обычно уходят от прямого ответа, обращаясь к тому, что называется "традиционные ценности": патриотизм, нравственность, семья и т.п. Но все это достаточно условно. У каждой страны, каждого поколения, социального слоя, идеологического направления свои традиции. В настоящее время понимание традиции, как и понимание консерватизма, размыто: есть "революционные традиции", "православные традиции", "либеральные традиции" и т.д. [Мусихин, 1999]. «В конце концов, свои традиции есть и у тех нигилистов, которые прилагают все усилия для уничтожения русской культуры; некие традиции имеются даже у "воров в законе"». - пишет А. Руткевич [Руткевич, 1999. с. 98].

Обсуждение религиозных (прежде всего православных) традиций требует отдельного исследования и поэтому не входит в задачу данной статьи. Если же обращаться к политической традиции России, то мы увидим, что в своих глубинных основах она тесно связана с православным ядром культуры и с трудом поддается трансформации. Как отмечает современный исследователь В. Аверьянов, даже после Октябрьской революции 1917 года "жизнь в ее толще оставалась прежней, традиция довлела над революционерами и диктовала им свои законы" [Аверьянов]. Можно зафиксировать наличие в нашей стране традиционных основ политической культуры, вытекающих из особенностей как русского национального характера ("менталитета"), так и исторического развития России. Эти основы, несмотря на все радикальные изменения, происходящие с обществом, передаются от одного поколения политической элиты к другому, сохраняя свое содержание.

Рассматривая глубинные основы политической культуры, можно сделать вывод о том, что власть в России вне зависимости от смены режимов и идеологии, от наличия или отсутствия демократических ритуалов, традиционно носит авторитарный характер. Авторитаризм (в его "мягком" или "жестком" варианте) пронизывает сверху донизу все общественные и государственные структуры, определяя характер их функционирования. В основе политической жизни лежит сильнейшая персоналистская ориентация, а политические представления населения основываются на стихийном монархизме. Вера в "доброе царя", которой советские историки неоднократно попрекали наших предков, не иссякла с падением монархии, а существует по сей день, трансформировавшись сначала в политический миф о "строгом, но справедливом вожде", а затем в миф о "президенте, который знает и понимает свой народ". В соответствии с данными мифами политическая система России традиционно строится на монархических принципах, хотя для этого не нужно, чтобы во главе государства стоял монарх. Авторитарная система личной власти воспроизводится не только в национальном, но и в локальном масштабе, вплоть до муниципальных структур, и пронизывает все общество. Это порождает неизменное на протяжении веков отношение власти к обществу не как к равноправному партнеру, а как к чему-то подчиненному (в лучшем случае) или же враждебному (в худшем случае) [Ахиезер, Ильин, 1997; 2000; Сапронов, 2001]. Общество выступает как пассивный объект воздействия власти, а страна с приходом нового главы государства превращается в полигон для очередного политического эксперимента. И хорошо, если этот "эксперимент" проводится с минимальным числом жертв. Только ведь у нас такого практически не бывает. Если ломать, так уж "до основания".

Трагичность ситуации усугубляется еще и тем, что не только представителям власти, но и образованному меньшинству (интеллигенции) народ зачастую видится как объект для эксперимента. Таким образом, монологичный стиль взаимоотношений в рамках модели "господство-подчинение", исключающий возможность диалога, присущ не только тем, кто обладает реальной властью, но и тем, кто, находясь в оппозиции, стремится к рычагам управления страной. Все это накладывается на отсутствие народных традиций политической культуры, которые просто не могли сформироваться и окрепнуть в подобных условиях. Вековое противостояние между властью и обществом порождает особый тип мышления, который не только затрудняет поиски компромисса, но и трактует их как проявление политической слабости.

Стиль взаимоотношений между властью и обществом в России отличен от общепринятых западных канонов. На протяжении многих лет гражданское общество развивалось под жестким прессингом государственной власти. Именно государство всегда было главным "двигателем" общественного развития, инициатором всех существенных преобразований. Права и свободы не завоевывались обществом, а даровались сверху монархами, которые, как правило, тут же стремились их ограничить. Этот стиль руководства не исчез с падением самодержавия. Советское государство оказалось не менее патерналистским по своей сути, чем царская Россия. Попытки преобразований "снизу" подавлялись. Политические инициативы по-прежнему "спускались" по "властной вертикали". Даже в период максимальной либерализации режима государство стремилось четко зафиксировать рамки "даруемой" свободы, что приводило к постоянным откатам реформ.

Либеральное мировоззрение, как и консерватизм, не отрицает идеи сильной государственности. Но дело в том, что для либерального сознания, вопреки российской традиции, на первом месте стоит не само государство, а положение в нем человека. Правда, русские либералы, такие как Б. Чичерин, надеялись реализовать свою модель не в ходе конфронтации с государственной властью, а при ее поддержке. В этом одно из отличий русского либерализма от западного, где либеральная идеология выступала в качестве альтернативы существующей идеологии и системе власти ("ancien regime"), шла на конфронтацию с традиционными структурами [Чичерин, 1903].

Согласно устоявшимся взглядам, русский либерализм более толерантен, чем консерватизм, который, якобы, обязательно вторичен по отношению к либеральным ценностям, всегда находится в обороне. Консерватизм рассматривают только как охранительный и религиозный ответ на вызов Просвещения и Нового времени. Такая точка зрения, считает Г. Рормозер, типична "лишь для определенных сил, которые считают себя партией прогресса. Прогрессивность же они сводят на самом деле к рационализации всех природных, исторических, общественных отношений, выдавая свою собственную позицию за позицию эпохи Нового времени как таковой... В действительности эпоха Нового времени переживает кризис. В противовес вышеупомянутой левой позиции я предложил бы следующий тезис. Эпоха Нового времени в целом всегда характеризовалась диалектическим взаимодействием прогрессивных и консервативных сил" [Рормозер, Френкин, 1996, с. 96].

Изображение прогресса как постоянной борьбы тенденции поступательного развития и либеральных или радикально-революционных сил, которые ему способствуют, с силами консерватизма чрезвычайно упрощено. Только в результате взаимодействия "консервативного" и "прогрессивного" начал создается хрупкая система общественного равновесия. В нынешнюю эпоху постмодерна, когда подвергаются резкой критике рационализм и ценности модернизации, это еще более актуально. Известно, что для последователей консервативного мировоззрения, как в Европе, так и в России, характерно обращение не столько к рационалистическим, сколько к духовно-нравственным оценкам происходящей модернизации. Консерватизм не обязательно должен быть окрашен в ностальгические и монархические тона. Скорее, он характеризует возвращение к взвешенным оценкам происходящего после угара первой волны преобразований. Приверженцы консервативной идеологии не лишены прагматического подхода к реформам. К тому же бороться за сохранение "традиционных основ" могут сторонники различных политических направлений. Возможен "либеральный консерватизм"; консервативные тенденции могут наблюдаться и в социалистической системе мировоззрения. Человек без корней, без традиций, без опоры в прошлом, в истории своей родины, не может жить полноценной жизнью. Каждый человек в чем-то консерватор и традиционалист.

Терминологическая неопределенность приводит к тому, что попытки рассмотреть специфику русского консерватизма носят порой конъюнктурный характер. Публикации, связанные с данной проблемой, зачастую отражают интересы тех или иных политических групп. Поэтому приходится устранять "шумовые помехи", очищая саму консервативную идею от многолетних наслоений. В настоящее время отстраненный подход к данной проблеме вообще вряд ли возможен. Ее злободневность рождает стремление перенести современные суждения о консерватизме на его историю. Эта тенденция чревата формированием в широких слоях населения превратного и упрощенного понимания сущности консерватизма. Западный неоконсерватизм, например, представляет собой попытку возврата к первоначальному, "подлинному" либерализму, противостоящую такому "нововведению" как социальная политика государства в области экономики. Это означает следующее: в экономической области - реставрацию чисто рыночного саморегулирования, отказ от вмешательства государства в экономику, опеки и регламентации со стороны бюрократической машины; в социальной сфере - поворот к индивидуалистическому принципу "каждый сам за себя", ликвидацию системы коллективной социальной защиты, якобы насаждающей иждивенчество и безответственность; в идейной сфере - возврат к духовному климату эпохи "первоначального накопления капитала", для которой были характерны самоограничение и пуританская строгость нравов (см. подробнее [Руткевич, 1999]). На этой основе происходит интеграция "молчаливого большинства" среднего класса.

Такая модель западного неоконсерватизма для России вряд ли приемлема. Материальное благополучие, поставленное во главу угла, приводит, в конечном счете, к тому, что человек становится безразличным ко всему, что не связано с приобретением или тратой денег. Позиция отечественных последователей неоконсерватора

Ф. фон Хайека предполагает отрицание такой важной компоненты, присущей взглядам русских консерваторов и либералов, как социальная справедливость (по Хайеку это не более чем "антропоморфная иллюзия"). Традиционные представления о справедливости отбрасываются им как "примитивные родовые требования", и проигравший в борьбе за выживание не должен ждать помощи, поскольку может винить в поражении только себя самого. Точно так же "победитель" не должен испытывать чувства вины [Хайек, 1992]. Безразличие к чужому горю и нищете перечеркивает все исторические традиции милосердия и благотворительности, присущие лучшим представителям русской интеллигенции. Доведенные до абсурда идеи "рыночной экономики", "демократии", или "реформы" превращаются в свою противоположность. "Если довести идеи Хайека до логического конца, - пишет Руткевич, - то торговец наркотиками или производитель порнофильмов, удовлетворяющие имеющуюся в наличии потребность множества индивидов, а потому обладающие огромными доходами, оказываются чуть ли не вершиной эволюции человеческого рода" [Руткевич, 1999, с. 74]. Консервативная идея, прежде всего, выполняет стабилизирующую роль в данном конкретном обществе. Она удерживает порядок не столько за счет подавления человеческой личности государством, сколько путем создания неких культурных барьеров, общественно признанных пределов, до которых возможно осуществление новаций. Ведь консерватизм - это еще и определенное мировоззрение, философские, социально-экономические, политико-правовые, и культурные принципы. Только рассматривая в совокупности все вышеперечисленные аспекты данной проблемы, можно подойти к пониманию различий западного и русского консерватизма.

В поисках выхода из тупика

Специфика истории российского либерализма заключается в том, что он родился и развивался "между двух огней". С одной стороны, либерализм был неприемлем для консервативных сил и самодержавного режима, с другой - либеральные концепции отвергались леворадикальными партиями социалистического толка. Классический русский консерватизм, возникший как антитеза либерализму, сохранял свою антилиберальную направленность на протяжении достаточно длительного времени. Уникальность современного положения в том, что это затянувшееся противостояние идеологий может быть закончено [Мигранян, 1990]. Это потребует и от консерваторов, и от либералов определенных компромиссных решений. До каких пределов может доходить компромисс? Так же как и у либералов, у консерваторов есть базовые принципы, то, чем невозможно поступиться. Один из таких принципов - *православная традиция*, и государство проявляет к ней уважение. При всей сложности взаимоотношений власти и верующих, нельзя не признать ту значительную роль, которую выполняет Русская православная церковь (РПЦ) в нынешней России. С 1988 года, когда широко отмечалось тысячелетие христианства на Руси, началось возрождение православия. Стремление власти заручиться поддержкой РПЦ, способной выступить в качестве авторитета для миллионов верующих, с тех пор проявлялось неоднократно. Вместе с тем, попытка увязать духовную безопасность только с возрождением РПЦ (так же, как и других религиозных конфессий) оставляет "за бортом" массу неверующих людей. Атеист или агностик вовсе не обязательно лишены крепких духовных и нравственных основ. В то же время, из публикаций последних лет известны примеры далеко не самых нравственных поступков людей, причастных к духовной иерархии. Нередки попытки использовать авторитет церкви в политической борьбе. В 1996 году поддержкой иерархов пытались заручиться и Б. Ельцин, и Г. Зюганов. Благословение Патриарха Алексия II принимал и В. Путин.

Экономическая составляющая российского консерватизма основана на тезисе о специфике путей хозяйственного развития каждого государства. Возможно, что сочетание жесткой монопольной собственности государства на энергоемкие производства и сырьевые отрасли с рыночными отношениями в сфере малого и среднего

бизнеса и есть особый путь в развитии отечественной экономики. Последнее десятилетие породило парадоксальное на первый взгляд смешение патерналистских ожиданий от государства и стремления к свободе. Выступая за рыночную экономику и политические права, многие политики одновременно ратуют и за социальные льготы. Необходимо наличие продуманной социальной политики, т.е. определенного синтеза идей консерватизма и социализма. Осуществлению такого синтеза на духовной основе мешают материализм и атеизм, которые невозможно отсечь от социализма. Все попытки синтезировать религию и марксизм заканчивались в лучшем случае заявлениями об уважении коммунистами православия, в худшем - рассуждениями о Христе как первом коммунисте³. А вот в экономической сфере идея государства, в первую очередь защищающего интересы "слабых" вполне вписывается и в православную, и в социалистическую русскую традицию.

Сможет ли консерватизм, декларируемый различными политическими силами, принести позитивные плоды, если он будет служить всего-навсего "идеологической подкладкой" для политиков? Думается, нет. Ведь подлинный консерватизм всегда ставил во главу угла благо России и ее народа. Современный консерватизм - не только антизападничество или почвенничество. Это идея мощного централизованного государства, существующего не как самоцель, а во имя и в интересах его народа. Тем, кто хочет возродить Россию только как сильную державу, напомню, что государство - не только гарант внешней и внутренней безопасности; оно также выступает в качестве хранителя и блюстителя духа народа. Внешняя форма государства может меняться, но смыслом его существования остается воспитание граждан по образцам прошлого, сохранение культурной преемственности, исторических традиций. Современный консерватизм - это еще и социально ориентированная идеология, и духовная, и прагматичная одновременно. При этом значительную опасность для того еще нарождающегося консервативного проекта в России представляет бюрократическая машина, способная ополщить, опорочить, довести до абсурда любую перспективную идею, будь то либерализм или консерватизм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверьянов В.* Перманентная революция уже не требует жертв // www.pravoslavie.ru
- Айнзафт С.* Зубатовщина и гапоновщина. М.-Л., 1925.
- Ахиезер А.С., Ильин В.В.* Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М., 1997.
- Ахиезер А.С., Ильин В.В.* Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М., 2000.
- Белов А.М.* Политические партии и рабочие Центрального промышленного района в революции 1905-1907 гг. Кострома, 1997.
- Гарбузов В.Н.* Консерватизм: понятие и типология (историографический обзор) // Полис. 1995. №4.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 102, оп. 4, д. 2511.
- Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.
- "27-го февраля мы могли стать гражданами..." Тюремные записки В.М. Пуришкевича. Декабрь 1917 - март 1918г.// Исторический архив. 1996. № 5-6.

³ В последнее время приходилось читать, что взаимоотношения между государственной властью и РПЦ в годы Великой Отечественной войны во многом соответствовали консервативному идеалу "симфонии властей". В связи с этим хотелось бы привести оценку стороннего наблюдателя - французского писателя и мыслителя середины XX века П. Дрие ла Рошеля. 3 августа 1944 года он записал в дневнике: "Несомненно, православные тоже строят иллюзии насчет тайного смысла услуг, которых требует от них Сталин. Но, в конце концов, кто знает?.. Не ассимилирует ли он не только милитаризм, но и клерикализм? Можно ли предполагать возникновение новой церкви, насквозь пронизанной партией и полицией, инструмента обновленного царизма? Сие есть тайна. Сталинизм стремительно опережает фашизм на пути сближения с церквями" [Дрие ла Рошель, 2000. с. 489].

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. - апрель 1918 г. М., 1991.

Драгунский Д. Рутения. Консервативный взгляд на постимперские перспективы // Дружба народов. 1992. № 1.

Дрие ла Рошель П. Дневник. 1939-1945. СПб., 2000. *Зюганов Г.А.* Россия и современный мир. М., 1995. Из дневника Л. Тихомирова // Красный архив. Т. 6(61). М., 1933. *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России. 1911-1917. М., 2001.

Консервативная модернизация: сценарий на ближайшее будущее // Россия: третье тысячелетие. Вестник актуальных прогнозов. 2001. № 2.

Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство: философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872-1891). М., 1996.

Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западная глобализации. М., 2001. *Мигранян А.* Переосмысливая консерватизм // Вопросы философии. 1990. № 11. *Монархист и Советы.* Письма Б.В. Никольского к Б. А. Садовскому // Звенья. Исторический альманах. Вып. 2. М.-СПб., 1992.

Мусихин Г.П. Противоречие авторитета и традиции в мировоззрении немецких и российских консерваторов // Полис. 1999. № 1.

Мусихин Г.И. Россия в немецком зеркале (сравнительный анализ германского и российского консерватизма) СПб., 2002.

Об особенностях консервативной идеологии в России. Интервью с А.С. Панариным // www.edin.ru

Отдел рукописей и редких книг Российской национальной библиотеки (ОР и РК РНБ). ф. 14, ед. хр. 658, л. 3.

Пастухов В.Б. Конец русской идеологии (Новый курс или новый Путь?) // Полис. 1999. № 1. Переписка и другие документы правых (1911-1913) // Вопросы истории. 1999. № 10.

Победоносцев К.П. Сочинения. СПб., 1996.

Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание. История рождения и гибели. М., 1997.

Розанов В.В. Собр. соч. Мимолетное. М., 1994.

Розенталь И.С. Пуришкевич - известный и неизвестный // Проблемы политической и экономической истории России. Сб. статей. К 60-летию профессора В.В. Журавлева. М., 1998.

Розенталь И.С. "За что в темнице я один?" // Родина. 1999. № 3. *Рормозер Г., Френкин А.А.* Новый консерватизм: вызов для России. М., 1996. Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.) Вып. IV. М.О. Меньшиков. Материалы к биографии. М., 1993. Русское дело. 1906. № 35.

Руткевич А.М. Что такое консерватизм? М.-СПб., 1999.

Рыжков В. "Консервативные ценности - это сама жизнь". Портрет российского консерватора // Россия: третье тысячелетие. Вестник актуальных прогнозов. 2001. № 2. *Сапронов П.А.* Власть как метафизическая и историческая реальность. СПб., 2001. *Севастьянов А.И.* Национал-капитализм. М., 1995. *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л., 1973. *Степанов С.А.* Черная сотня в России. 1905-1914. М., 1992. *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. М., 1997.

Тихомиров Л.А. Нужна ли нам фабрика // Русское обозрение. 1891. № 1.

Точка зрения консерватора // Кентавр. 1993. № 1.

Чернавский М.Ю. Религиозно-философские основы консерватизма К.Н. Леонтьева. Дисс. канд. филос. н. М., 2000.

Чичерин Б.Н. Вопросы политики. М., 1903

Шарапов С.Ф. К спору об общине // *Шарапов С.Ф.* Собр. соч. Т. 7. Вып. 19. М., 1903.

Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920 год. М., 1990.

Шульгин В.В. Опыт Ленина // Наш современник. 1997. № 11.

Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992.

Garaudy R. Pour une dialogue des civilisations. L'Occident est un accident. Paris, 1977.

Latoche S. L'Occidentalisation du monde. Paris, 1995.

MacMaster R. Danilevsky. A Russian totalitarian philosopher. Cambridge, 1967.

Malik S.C. Modern Civilization: a Crisis of Fragmentation. New Delhi, 1989.